
В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В ГИБРИДНОМ КОНФЛИКТЕ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ КАТАР И КОРОЛЕВСТВОМ САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Абылгазиев И. И., Васецова Е. С., Егоров И. С.*

Информационная война в Персидском заливе между Катаром и Саудовской Аравией, которая стала ключевой частью катарского дипломатического кризиса, все еще продолжается, однако ее первая активная фаза уже завершилась победой Катара, что позволяет проанализировать методологию и инструментарий ведения информационного противостояния между государствами, определить наиболее эффективные подходы, выявить и систематизировать необходимую совокупность действий для достижения максимального результата в гибридном конфликте. В исследовании показаны роль и значение комплексного использования всего инструментария современной информационной войны: от военной пропаганды и хакерских атак до применения методов астротурфинга и лоббизма, которые и позволили Катару одержать победу в противостоянии с коалицией арабских стран под руководством Саудовской Аравии. Результаты исследования имеют не только теоретическое, но и практическое значение, могут быть использованы ответственными за принятие решений лицами как в дипломатическом корпусе, так и в военных ведомствах.

Ключевые слова: информационная война, гибридная война, катарский дипломатический кризис, астротурфинг, военная пропаганда, прокси-конфликт, лоббизм, хакерские атаки, арабский квартет, Катар, Саудовская Аравия.

* Абылгазиев Игорь Ишеналиевич – д. и. н., профессор, заведующий кафедрой геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: abylgaziev_ii@mail.ru.

Igor I. Abylgaziev – Dr. Hist., Professor, Head of the Department of Geopolitics of the Faculty of Global Studies at Lomonosov Moscow State University. E-mail: abylgaziev_ii@mail.ru.

Васецова Елена Сергеевна – к. полит. н., доцент кафедры политологии Востока факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: vasetsova.es@yandex.ru.

Elena S. Vasetsova – Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science of the East, the Faculty of Global Studies at Lomonosov Moscow State University. E-mail: vasetsova.es@yandex.ru.

Егоров Игорь Сергеевич – соискатель кафедры политологии Востока факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: egorov.igor.rtl@mail.ru.

Igor S. Egorov – postgraduate student of the Department of Political Science of the East, the Faculty of Global Studies at Lomonosov Moscow State University. E-mail: egorov.igor.rtl@mail.ru.

THE ROLE OF INFORMATION WARFARE IN THE HYBRID CONFLICT BETWEEN THE STATE OF QATAR AND THE KINGDOM OF SAUDI ARABIA

The information war in the Persian Gulf between Qatar and Saudi Arabia, which has become a key part of the Qatari diplomatic crisis, is still ongoing, but its first active phase has already ended with Qatar's unconditional victory, which allows to analyze the methodology and tools for waging information war between modern states, to determine the most effective approaches, identify and systematize the necessary set of actions to achieve the maximum result in a hybrid conflict.

The study shows the role and significance of the integrated use of all the tools of modern information warfare: from military propaganda and hacker attacks to the use of astroturfing and lobbying methods, which allowed Qatar to win the confrontation with the coalition of Arab countries led by Saudi Arabia. The results of the study have not only theoretical significance, but also provide extremely important practical information, a guide to action for decision-makers in both the diplomatic corps and the military departments.

Keywords: *information war, hybrid war, Qatari diplomatic crisis, astroturfing, military propaganda, proxy conflict, lobbying, hacker attacks, Arab Quartet, Qatar, Saudi Arabia.*

Введение

Прямое военное столкновение все реже применяется для разрешения противоречий между серьезными политическими игроками. Если во второй половине XX в. опосредованная война на территории третьих стран была практически исключительной прерогативой СССР и США, то сегодня многие ведущие региональные игроки предпочитают прокси-конфликт реальным боевым действиям. При этом чем более современен и технологичен арсенал выбранных методик, тем выше шансы на победу и меньше военные и политические риски.

Так, ведущие государства Ближнего Востока в значительной степени перешли к таким технологиям после событий «арабской весны». Например, Иран действует через связанные с ним религиозно и политически организации и диаспоры в Сирии, Ливане, Йемене и еще ряде стран, а Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар вели гибридную войну против режима Башара аль-Асада в Сирии. Более того, наглядной иллюстрацией правомерности тезиса о меньших военных и политических рисках ведения «войны нового поколения»¹ является сравнение итогов двух вмешательств Саудовской Аравии – в Сирии и в Йемене: обе кампании не достигли своих целей, но их последствия для правящей семьи Аль Сауд сильно отличаются.

¹ «Война нового поколения» – один из широко распространенных терминов для обозначения войны, которая ведется без ее официального объявления, может сочетать в себе методы опосредованной, информационной и гибридной войны. Изначально термин использовался американскими экспертами для описания концепции современных действий российских вооруженных сил как реализации фундаментальных положений так называемой «доктрины Герасимова» (Валерий Герасимов – генерал армии, начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации), однако впоследствии нашел более широкое применение как в военных кругах, так и в политике, науке и публицистике.

В Сирии саудиты вели прокси-войну: их интересы защищали оппозиционные официальному сирийскому правительству группировки, а напрямую Саудовская Аравия предпринимала только лоббистские усилия по изоляции режима Башара аль-Асада, дополненные достаточно успешной диатрибой в СМИ и сети Интернет против самого президента-алавита – поэтому реальное поражение, которое стало очевидным после вступления в войну России в 2016 г., не нанесло серьезного экономического или репутационного удара по королевству. Саудовская Аравия зафиксировала убытки, сократила финансирование и официально дистанцировалась от событий в Сирии [Васецова 2019].

Совсем другой сценарий можно проследить в Йемене: там саудиты возглавили коалицию против пришедших к власти хуситов, фактически сформировав так называемую «арабскую НАТО»: ставка была сделана на прямое и силовое решение конфликта. В итоге, когда президент США Джо Байден в начале февраля 2021 г. заявил о том, что его страна больше не будет поддерживать любые наступательные операции в Йемене, а хуситы фактически смогли отстоять свою часть территорий, все финансовые, политические и моральные издержки легли на Саудовскую Аравию. Королевство продолжает искать выход из конфликта, при этом сохраняя претензии на лидерство не только в Персидском заливе и арабском мире, но и в целом в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. В середине января 2022 г. Саудовская Аравия вновь приступила к нанесению ракетных ударов по целям в Йемене в ответ на атаки беспилотников хуситов на ОАЭ, ликвидировав одного из их лидеров – генерал-майора Абдулла Кассема аль-Джунаида. Вместе с тем боевые действия не являются решением йеменской проблемы, а наоборот, лишь усугубляют ее, провоцируя хуситов на более жесткий ответ по территории и инфраструктурным объектам противника. Таким образом, сравнительный анализ вышеназванных примеров демонстрирует меньшие риски ведения «войны нового поколения».

В Персидском заливе наиболее интересным для изучения как учеными-политологами, так и практиками, ответственными за принятие военно-политических решений в разных странах, является гибридная война между Катаром и Саудовской Аравией, острая фаза которой пришлась на 2017–2020 гг. Данный конфликт начался гораздо раньше, имеет давние предпосылки и, несмотря на подписание соглашений на саммите Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в саудовском городе Аль-Ула 5 января 2021 г., до сих пор не завершен.

Ключевой составляющей данного гибридного конфликта **является информационная война между Катаром и КСА**. Комплексное исследование противоборства сторон в информационном пространстве **впервые проводится в данной статье**. Ранее отечественные и зарубежные ученые рассматривали различные аспекты информационной войны между Катаром и КСА фрагментарно, в контексте общего противостояния сторон.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что, с одной стороны, противостояние двух монархий в значительной степени определяет всю конфигурацию отношений в Персидском заливе, оказывает ключевое влияние на страны Ближнего Востока и Средней Азии, а с другой – столкновение Саудовской Аравии и Катара, ставшее возможным из-за постепенного отказа США от роли «мирового жандарма», но не от поставок современных вооружений и технологий своим союзникам [Абылгазиев 2021], дает представление о том, какие формы гибридная война может принять в современных геополитических условиях, а также позволя-

ет оценить, какой инструментарий и какие методы являются успешными, а какие, наоборот, уже устарели.

Таким образом, **цель данного исследования** – выявить роль информационной войны в гибридном конфликте между Катаром и Саудовской Аравией в период с 2017 по 2022 г., а также обозначить причины, по которым Катару удалось одержать победу в противостоянии.

Достижение поставленной цели требует **решения следующих задач**: определить, что в целом следует относить к гибридным конфликтам и как с ними соотносятся информационные войны; уточнить коннотацию термина «информационная война», актуальную для текущего исследования; выделить основные этапы информационной войны между Катаром и Саудовской Аравией; проанализировать комплекс методов информационной войны и их успешность во время острой фазы противостояния между двумя странами в период 2017–2020 гг., оценить перспективы развития прокси-конфликта в Персидском заливе.

Новое качество информационных войн

Терминология в области гибридных войн, прокси-конфликтов не является строго устоявшейся и подвержена изменениям, что обусловлено развитием новых технологий, а также связано с оценками и подходами генштабов ведущих стран мира. В данном исследовании под гибридной войной авторы понимают такое противостояние между двумя или более государствами, которое не включает в себя прямое военное столкновение между участниками, однако допускает опосредованное военное противоборство на территории третьих стран, а также такие формы противостояния, как информационная война, экономические санкции, блокада и т. д.

Также отметим, что под информационной войной понимают термин, который включает в себя совокупность действий – пропаганды, военной пропаганды, отдельных информационных операций, диверсий, служащих поводом или своеобразным «крючком» при проведении крупномасштабных вмешательств, в том числе с использованием хакерских атак, а также лоббистских усилий, направленных на нанесение репутационного и дипломатического урона противнику и защиту от аналогичных действий с его стороны.

Информационное противостояние между Катаром и Саудовской Аравией в рассматриваемый период впервые проходило не только в рамках противоборства крупных медиаканалов – от «Аль-Джазирь» до «Аль-Арабии», но также в социальных сетях и микроблогах, и каждой из сторон оформлялось в качестве инициативы снизу. При этом использовались методы астротурфинга²: массово создавались фейковые аккаунты, которые только имитировали народный гнев или поддержку, о чем мы поговорим далее в исследовании.

Именно такое сочетание самого широкого инструментария методов и действий отличает современную информационную войну, так как раньше пропагандой, информационными операциями, лоббизмом, хакерскими атаками и т. д. за-

² Астротурфинг – термин, обозначающий создание видимости массовой поддержки определенных идей или инициатив. Изначально предполагал отправку почтовых писем от вымышленных людей с целью давления на определенные государственные институты или корпорации, сейчас прежде всего подразумевает создание ботов в социальных сетях для имитации народной поддержки или возмущения.

нимались разные ведомства, и, более того, эти усилия либо вообще не координировались, либо слабо соотносились по месту и времени [Манойло 2021: 102].

Периодизация противостояния Катара и Саудовской Аравии

Катар, который два десятилетия после обретения своей независимости в 1971 г. довольствовался ролью младшего партнера Саудовской Аравии, в 1995 г. с приходом к власти Хамада бин Халифа Аль Тани начал проводить более независимую от королевства политику. Был создан телеканал «Аль-Джазира», положено начало активной разработке колоссальных запасов природного газа и развитию инфраструктуры для его транспортировки в виде СПГ. Именно период 1995–1996 гг. следует считать точкой старта информационного противостояния между двумя странами. Временной отрезок с 1995 по 2011 г. характеризуется не постоянным и острым противостоянием, а отдельными эпизодами и формированием у каждой из сторон полноценного инструментария для ведения предстоящей информационной войны.

Период 2011–2017 гг. стал временем информационной войны между Катаром и Саудовской Аравией, при этом для всего остального арабского мира он обернулся серией революций и гражданских войн. Эффективность катарской пропаганды, прежде всего осуществлявшейся посредством телеканала «Аль-Джазира», оказалась высокой. Именно в этот период как Саудовская Аравия, так и Катар впервые столкнулись с хакерскими атаками, которые нанесли значимый урон каждой из сторон. В августе 2012 г. серверы и рабочие компьютеры крупнейшей в мире нефтяной компании Saudi Aramco подверглись нападению вируса Shatooop. Наиболее точно оценить силу атаки позволяет характеристика, данная экс-министром обороны США Леоном Панеттой: он назвал ее «самой разрушительной кибератакой на частный бизнес» на тот момент времени [Perloth 2012].

Также ощутимой кибератаке уже в преддверии дипломатического кризиса подвергся Национальный банк Катара. Целью нападения было дискредитировать руководство страны и главного банка, показать его ненадежность – в сеть попали личные данные около полумиллиона клиентов банка [Finn 2016].

Вместе с тем в этот период страны еще не вошли в прямую конфронтацию, а на ряде направлений даже продолжали активно взаимодействовать. Например, в Сирии они поддерживали разные силы, но преследовали единую цель – свержение Башара аль-Асада, а в Йемене Катар входил в коалицию арабских государств под руководством Саудовской Аравии.

Период с начала катарского дипломатического кризиса по текущее время можно характеризовать как информационную войну, выделив в ней три фазы:

1) период наиболее остро противостояния, с весны 2017 г., когда стороны начали «информационную артподготовку», до декабря 2017 г., когда Саудовская Аравия с союзниками от плана гибридного «блицкрига» перешла к позиционной войне;

2) период позиционной, или «окопной» борьбы, с начала 2018 г. по 5 января 2021 г., который отличается не столько меньшей интенсивностью информационной войны, сколько ее целями – задачей в этой фазе было не сломить соперника «здесь и сейчас», оправдав возможность реальной военной операции против него, а постепенное увеличение давления, которое в итоге вынудило бы одну из сторон искать мирных переговоров.

3) период формального прекращения информационного огня, с января 2021 г. по настоящее время, отличительной чертой которого следует назвать тщательную

завуалированность информационных атак и подготовку новых плацдармов к возможному возобновлению активных боевых действий в киберпространстве.

Подготовительный этап большой информационной войны

Прежде всего отметим, что Саудовская Аравия вместе с союзниками по арабскому квартету (ОАЭ, Бахрейн и Египет), учитывая опыт противостояния с Катаром в 2011–2017 гг., приняла ряд подготовительных мер. Среди них были законодательные и административные: Саудовская Аравия, опасаясь, что ответ Катара в новом витке информационной войны может оказаться разрушительным, внесла ряд изменений в законы страны, которые позволили наказывать тюремным сроком до 5 лет реального заключения тех, кто будет распространять пропаганду Катара [Саудовская... 2017].

Также Саудовская Аравия вместе со своим главным союзником по информационной войне с Катаром – ОАЭ – гораздо более серьезно подошла к подготовке кибервойны. Ряд организаций, специализирующихся на операциях в киберпространстве, например компания DarkMatter Group, были наняты для киберудара по Катару весной-летом 2017 г., при этом, как стало известно позднее, в них работали экс-сотрудники разведки и специальных служб США [Mazzetti, Goldman 2021].

Готовясь к гибридной войне с Саудовской Аравией, Катар смог получить ряд стратегических преимуществ. Ключевое из них – полный перехват контроля над движением «Братья-мусульмане»³, который произошел в течение 2011–2014 гг. Катар сумел направить пропаганду «братства» против правящей династии Аль Сауд, в том числе благодаря Юсуфу Аль-Кардави, одному из наиболее авторитетных суннитских проповедников, который уже много лет проживает в Дохе.

Нарратив катарской пропаганды почти в полной мере совпал с усилиями Катара в Персидском заливе, в регионе Ближнего Востока и Северной Африке: политический ислам, исламская «демократизация» [Егорова, Егоров 2021], народно-освободительное движение последовательно продвигались эмиратом в Сирии и в Йемене, в Египте и Саудовской Аравии. Саудовская Аравия, в первую очередь, и ОАЭ – во вторую, не смогли разработать такой же связанной конструкции «политическая доктрина плюс действия “на земле”». Поддерживая в Сирии исламистов, Саудовская Аравия выступила на стороне светских властей в Египте [Егорова 2017], провела карательную полицейскую операцию в Бахрейне и много лет наносит авиационные удары в Йемене, в результате которых гибнут не только хуситы, но и сунниты. Саудовская Аравия, следуя в фарватере политики действующего на тот момент президента США Дональда Трампа, пыталась выстроить свою пропаганду вокруг суннитско-шиитского противостояния и, если говорить более точно, вокруг конструкции конфликта между арабскими странами и Ираном.

Начало острой фазы комплексной информационной войны – от хакерских атак до лоббистских усилий

Острая фаза информационной войны началась примерно за 1,5–2 месяца до 5 июня 2017 г. – даты начала катарского дипломатического кризиса. Уже с этих событий проявляется абсолютно новое качество ведения информационных войн: в конце апреля 2017 г. группа хакеров обнаружила уязвимость в коде официального портала государства Катар – Qatar News Agency (далее – QNA), тем самым

³ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ.

получив возможность публиковать новости и заявления от лица катарских официальных лиц, включая эмира [Salisbury 2017]. Вместе с тем неизвестные не воспользовались этой возможностью сразу, а предпочли подождать крещендо всех остальных действий пропаганды, включая работу в социальных медиа и прессе по обвинению Катара в связях с Ираном и наиболее радикальными террористическими группами, так чтобы фейковая публикация от лица эмира Катара на официальном портале страны стала zenитом слаженной и долгой военно-информационной операции, а не отдельным действием, наносящим относительно небольшой вред репутации страны.

23 мая 2017 г. на портале QNA было опубликовано заявление Тамима ибн Хамада Аль Тани о том, что он считает Иран ключевым государством исламского мира, положительно оценивает проиранские организации – «Хезболлу» и ХА-МАС [Ibid.]. Эта публикация, сделанная хакерами, сразу же начала распространяться на просаудовских телеканалах (Al-Arabia, Sky News Arabia), а также была посеяна⁴ в социальных сетях и СМИ [Al-Marjan 2017].

С этой наступательной информационной операции и началась большая информационная война нового типа, когда классические подходы военной пропаганды, предусматривающей создание и тиражирование фейков, дополнялись всеми видами хакерских операций, усилиями в социальных сетях и лоббизмом, совмещались с экономической войной и блокадой, поиском предателей и агентов влияния внутри атакуемой стороны.

Астротурфинг как базовый элемент современного информационного противостояния

Информационная война в Персидском заливе стала одним из полигонов для испытания методов массированного астротурфинга в сочетании с другими элементами в интернет-пространстве. Конечно, астротурфинг применялся и до событий катарского дипломатического кризиса, например, во время «арабской весны» в 2011 г., однако тогда он не был синхронизирован с другими методами информационного воздействия и не являлся столь массовым. Его задача – дополнить основные нарративы пропаганды, сделать невозможной какую-либо конструктивную и содержательную дискуссию в социальных сетях, создать ощущение у граждан, против которых направлена информационная кампания, что они находятся в полном одиночестве со своим мнением. В случае с Катаром применение технологий астротурфинга должно было создать у жителей страны впечатление, что они находятся в полной изоляции в арабском мире, который единым фронтом выступил против эмирата, и, более того, большинство жителей Катара также выступают против политики, проводимой руководителем страны Аль Тани.

Исследования показывают, что даже относительно маленькая группа ботов может создавать тренды в социальных сетях, разрывать коммуникации между реальными пользователями и крайне успешно нагнетать панические настроения [Gilani *et al.* 2017]. Например, авторитетный американский социолог Дэвид Нунан в своих работах доказывает, что для влияния на настроение и поведение любой

⁴ Посев – термин, использующийся специалистами информационной войны и пропаганды, SMM-менеджерами для обозначения специфических действий во время информационной кампании, которые заключаются в одновременном размещении одной и той же информации на ряде ключевых страниц в социальных сетях или СМИ. Часто посев маскируют под естественное народное возмущение.

большой группы достаточно, чтобы от 5 до 25 % ее членов активно и последовательно настаивали на одной картине событий [Noonan 2018].

Более того, если в 2010-х гг. считалось, что боты в социальных сетях могут составлять около 10–30 % от общего числа аккаунтов [Chu *et al.* 2012], то кейс с покупкой американским миллиардером Илоном Маском социальной сети Twitter показал, что до 90 % всех публикаций в этой социальной сети могут делаться ботами и спам-аккаунтами.

Если проанализировать записи в социальной сети Twitter в 2017 г. по ключевым словам, связанным с информационной атакой на Катар, то обнаруживается, что критические публикации начали массово появляться в апреле 2017 г., а их тезисы почти полностью совпадали с 13 пунктами ультиматума Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта и Бахрейна [Al Jazeera 2017], который был предъявлен Катару лишь два месяца спустя, 5 июня 2017 г. [Jones 2019].

Из множества особенностей этого подраздела информационной войны отличителен акцент на дискредитации «Аль-Джазиры» и других СМИ Катара, которые традиционно давали ответ на антикатарскую пропаганду. Благодаря технологиям астротурфинга в мае-июне 2017 г. Саудовской Аравии и ОАЭ удалось вывести публикации с данными ключевыми словами и хэштегами в тренды арабского сегмента Twitter [Outrage... 2017].

Кроме того, в информационной войне против Катара применялись и более избирательные подходы с целью давления, создания паники среди критически важных групп катарского общества: чиновников и военных. В трендах Twitter, а также в ряде СМИ появлялись сообщения о сокращениях и снижении зарплат [Jones 2019]. В полной мере в этом противоборстве была отработана и спортивная тематика: страны арабского квартета, с одной стороны, лоббистскими усилиями пытались лишить Катар права проведения чемпионата мира по футболу и других крупных международных соревнований, а с другой – нагнетали панику в СМИ и социальных сетях, что подобные решения уже приняты, а действия Катара настолько идут вразрез с подходами мирового сообщества, что эмират оказался в изоляции в том числе и в сфере спорта [Harding 2017].

Выводы об успешности методов ведения информационной войны нового типа

Подводя итог наступательной кампании на Катар в рамках информационной войны, можно резюмировать, что сочетание старых методов военной пропаганды с технологиями астротурфинга, хакерскими атаками и лоббистскими усилиями показало себя успешным. Так, например, первая реакция руководившего в то время США Дональда Трампа оказалась практически полностью просаудовской.

Таким образом, эти подходы, очевидно, были признаны удачными (хотя сам катарский дипломатический кризис не закончился катастрофой для Катара, что будет проанализировано далее) и стали ролевой моделью для разведок ведущих западных держав. Так, аналогичные методы применялись западными специальными службами и СБУ в Белоруссии во время волнений 2020–2021 гг., а также в России в 2017–2022 гг.: от дискредитации провластных СМИ и лидеров общественных мнений до создания атмосферы полного осуждения действий властей в социальных сетях.

Несимметричный ответ Катара – залог успеха

Вместе с анализом наступательных действий Саудовской Аравии в информационной войне против Катара не менее важной частью исследования является изучение ответных усилий Катара, которые позволили этому государству в итоге выйти победителем в противостоянии с «арабской четверкой».

Изначально Саудовская Аравия и ее союзники предполагали не полноценную и длительную информационную войну, а некий блицкриг, который должен был завершиться летом-осенью 2017 г. специальной военной операцией против эмира Аль Тани. Действия информационной войны были призваны выступить оправданием военного решения катарского дипломатического кризиса, однако, когда вторжение не состоялось благодаря поддержке Катара внутри США и союзническим отношениям с Турцией, горячий этап информационной войны перешел в затяжную фазу, которая только отчасти завершилась в начале января 2021 г. капитуляцией арабского квартета.

При этом само военное вторжение в Катар не состоялось в том числе благодаря задействованию одного из инструментов современной информационной войны – лоббизму. Как стало известно только в начале июня 2022 г., американский генерал Джон Аллен, в один из периодов руководивший войсками США и НАТО в Афганистане, в 2017 г. фактически работал на Катар. Он смог в самые короткие сроки изменить позицию по Катару президента Дональда Трампа, который изначально солидаризировался с ультиматумом «арабской четверки». Генерал Аллен оказал влияние на своего бывшего подчиненного, а в то время советника президента по национальной безопасности Герберта Макмастера, который уже вместе с госсекретарем Рексом Тиллерсоном (также имевшим тесные и давние связи с семьей Аль Тани) смог убедить 45-го президента США, что по Катару необходимо занять посредническую и миротворческую позицию [FBI... 2022].

Защитные и контрнаступательные действия Катара оказались во многом асимметричными и гораздо более разнообразными, чем тот инструментарий информационной войны, которым пользовалась Саудовская Аравия.

Прежде всего эмират сосредоточил свои усилия на дискредитации действий Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна и Египта с точки зрения международного права.

К этой работе Катар подключил узнаваемые во всем мире правозащитные организации – «Репортеры без границ» и Human Rights Watch, которые отмечали, что «Аль-Джазира» продолжает оставаться одним из самых демократических СМИ на Ближнем Востоке. Отметим, что в значительной мере это соответствовало действительности, так как катарский медиагигант, в отличие от СМИ, подконтрольных Саудовской Аравии и ОАЭ, не стал вводить тотальную цензуру, а наоборот, транслировал полярные точки зрения, приводил в эфире 13 требований ультиматума, приглашал экспертов, которые были критичны и к самому Катару [Azzouz... 2017]. События катарского дипломатического кризиса позволили «Аль-Джазире» вернуть значительную часть доверия зрителей, которое было потеряно после неоднозначного освещения событий «арабской весны».

В целом эксплуатация темы прав человека принесла Катару значительные успехи: Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ) фактически сразу после официального ультиматума Катару и начала блокады выступило с призывом к немедленному мирному урегулированию [UN... 2017], а в конце 2017 г. подготовило большое исследование о системных наруше-

ниях прав человека в Персидском заливе, в котором основная вина за ухудшение ситуации была возложена именно на действия «арабской четверки» по блокаде Катара и дискриминации жителей этого эмирата [Office... 2017].

В развитии этой линии власти Катара на фоне максимально агрессивных ответных действий в информационной войне формально заняли миротворческую позицию, можно сказать, позицию жертвы агрессии. Эта тема стала лейтмотивом выступления Тамима ибн Хамада Аль Тани на открытии 46-й сессии Консультативного совета Катара, которое широко освещалось в СМИ [Qatar... 2018]. Эмир отметил, что Катар движется вперед и отказывается вводить зеркальные ограничительные и дискриминационные меры против граждан США, которые проживают, работают и учатся в Катаре, он сделал акцент на стремлении к мирному урегулированию и преодолению противоречий внутри единой семьи.

Ранее мы уже отмечали лоббистские усилия Катара в политическом истеблишменте США, говоря о предотвращении сценария военного развития Катарского дипломатического кризиса. В развитие темы упомянем дополнительные усилия Катара на этом треке уже после 5 июня 2017 г. В частности, эмират начал работать с самым широким кругом американских компаний – от еврейской консервативной организации *Zionist Organization of America* до специалистов в области права *Ashcroft Law Firm*, *McDermott, Will & Emory*, *Stonington Strategies*, *Nelson Mullins*, и даже маркетинга, публичных отношений – *Audience Partners Worldwide* [Qatar... 2017]. Примечательно, что Катар делал выбор в пользу определенных фирм, исходя в первую очередь из критерия отношения владельцев и руководства к политической или военной верхушке США. Так, например, одним из сооснователей фирмы *Ashcroft Law Firm* был экс-генеральный прокурор США Джон Эшкрофт.

Лоббистские усилия Катара (эмират только по данным открытых источников в 2017–2019 гг. нанял более 250 авторитетных специалистов в США) [Туголукова 2019] были дополнены увеличением программы закупок вооружений у США, включая 36 сверхдорогих истребителей F-15QA [F-15QA... 2020], и расширением американской военной базы «Аль-Удейд» за свой счет.

Весь этот комплекс усилий начал давать свои результаты не сразу, а постепенно в течение 2017–2020 гг., когда, помимо информационной войны, Катар продолжил давление на Саудовскую Аравию в большинстве прокси-конфликтов от Йемена до стран Африканского Рога и Сахеля. Конечно, в капитуляцию «арабской четверки» значительный вклад внесла и пандемия коронавируса, которая временно привела к сильнейшему снижению цен на углеводороды, а также необходимости дополнительных бюджетных расходов на медицину, поддержку людей и бизнеса, что вынудило Саудовскую Аравию, имеющую самые большие социальные обязательства среди монархий Персидского залива, срочно искать мирных переговоров.

Заключение

Таким образом, информационная война между Катаром и Саудовской Аравией прошла полный цикл от разработки инструментария предстоящих боевых действий и острой первоначальной фазы до длительного противостояния, возвращения к этапу временного примирения и подготовки новых наступательных информационных кампаний.

Исследование показывает, что успех в информационной войне зависит от целого ряда факторов.

Во-первых, это совместные действия всех военных, специальных и дипломатических ведомств, а также координация усилий на всех направлениях: от военной пропаганды и методов астротурфинга до хакерских атак и лоббистских усилий – с целью создания синергетического эффекта.

Во-вторых, наиболее целесообразно на этапе подготовки к информационной войне или уже во время ее ведения на законодательном уровне закрепить возможность санкций в отношении тех граждан и организаций, которые будут содействовать распространению военной пропаганды противника.

В-третьих, в условиях относительного равенства возможностей (финансовых и нефинансовых) для ведения информационной войны крайне важно выработать ее последовательную стратегию, понятный и не противоречащий сам себе нарратив пропаганды. В случае с противостоянием Катара и Саудовской Аравии эмирату не пришлось прилагать дополнительных усилий для того, чтобы придумать способы дезавуирования действий арабского квартета. В сущности, они противоречили сами себе, а Катару оставалось только указать на узловые точки существующих противоречий.

Наконец, использование самого широкого спектра действий и их включение в общий план ведения информационной войны. Катар успешно пользовался основными западными трендами (защита свободы слова, обращение в международные организации, в целом – самая широкая опора на тему недопустимости нарушения прав человека), также эмират выстраивал свою пропаганду не только через традиционные медиа или социальные сети, но и постоянно обращался к возможностям религиозных организаций для распространения своих идей по внутренним каналам.

На данный момент катарский дипломатический кризис, который формально завершился 5 января 2021 г. подписанием соглашения в городе Аль-Ула, находится все ближе к возобновлению, так как цены на углеводороды вернулись на значения гораздо выше, чем в 2019 г., что открывает новые возможности для реванша Саудовской Аравии, а начало специальной военной операции России на Украине дало новый импульс развитию региональных конфликтов. США, еще в 2010-х гг. значительно отошедшие от роли «мирового жандарма», сейчас сильно зависят от своих союзников на Ближнем Востоке и не могут напрямую диктовать им какие-то определенные решения. Соответственно, в ближайшем будущем можно прогнозировать новый этап информационной войны между Катаром и арабским кварталом, однако его формат может в значительной степени измениться.

Литература

Абылгазиев И. И., Крашенинникова В. Ю., Манойло А. В., Исаев В. А., Стригунов К. С. Война США за «мир» в Сирии. М. : Ин-т внешнеполитических исследований и инициатив, 2021.

Васецова Е. С. Проблема урегулирования сирийского конфликта на новом этапе его развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 282–294.

Егорова О. А. Правление Мухаммеда Мурси в Египте: исторические уроки // Право и политика. 2017. № 11. С. 45–52.

Егорова О. А., Егоров И. С. К вопросу об исследовании незападных обществ: специфика политологической терминологии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2021. № 3. С. 36–40.

Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность [Электронный журнал] : Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 100–131.

Саудовская Аравия ужесточает наказание сочувствующим Катару (до 10 лет тюрьмы) (Йикав Ассаудия Тавдых Укубат Альмутаатыфиин маа Катар) [Электронный ресурс]: El Watan News. 2017. July 7 (на араб. яз.). URL: <https://www.elwatannews.com/news/details/2176402> (дата обращения: 10.07.2022).

Туголукова Л. Американский фактор в «Игре престолов» Катара и Саудовской Аравии [Электронный ресурс] : Российский совет по международным делам. 2019. 23 сентября. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/amerikanskiy-faktor-v-igre-prestolov-katara-i-saudovskoy-aravii/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 10.07.2022).

Al Jazeera. Arab States Issue 13 Demand to End Qatar – Gulf Crisis [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2017/06/arab-states-issue-list-demands-qatar-crisis170623022133024.html> (дата обращения: 10.07.2022).

Al-Marjan A. Qatar in the World’s Spotlight [Электронный ресурс] : Okaz. 2017 (in Arabic). URL: <http://www.okaz.com.sa/article/1553036/> (дата обращения: 10.07.2022).

Azzouz S. Kill Qatar and Trump will Be all Yours [Электронный ресурс]: Al Quds. 2017 (in Arabic). URL: <http://www.alquds.co.uk/?p=738770> (дата обращения: 10.07.2022).

Chu Z., Gianvecchio S., Wang H., Jajodia S. Detecting Automation of Twitter Accounts: Are You a Human, Bot, or Cyborg? // IEEE Transactions on Dependable and Secure Computing. 2012. Vol. 9(6). Pp. 811–824.

F-15QA. Очередной представитель семейства и задел на будущее [Электронный ресурс] : Topwar. 2020. 2 декабря. URL: <https://topwar.ru/177667-f-15qa-ocherednoj-predstavitel-semejstva-i-zadel-na-budushee.html> (дата обращения: 10.07.2022).

FBI Seizes Retired General’s Data Related to Qatar Lobbying [Электронный ресурс] : National Security. 2022. June 7. URL: <https://www.npr.org/2022/06/07/1103629580/fbi-seizes-retired-generals-data-related-to-qatar-lobbying> (дата обращения: 10.07.2022).

Finn T. Qatar National Bank Investigating Alleged Data Hack [Электронный ресурс]: Reuters. 2016. April 27. URL: <https://www.reuters.com/article/us-qatar-ntl-bank/qatar-national-bank-investigating-alleged-datahack-idUSKCN0XO22S> (дата обращения: 10.07.2022).

Gilani Z., Farahbakhsh R., Crowcroft J. Do Bots Impact Twitter Activity? // WWW '17 Companion: Proceedings of the 26th International Conference on the World Wide Web. International World Wide Web Conferences Steering Committee Republic and Canton of Geneva, Switzerland, 2017. Pp. 781–782.

Harding D. Qatar Crisis Turns Hostile on Social Media [Электронный ресурс]: AFP International Text Wire in English. 2017. June 13. URL: <http://news.abs-cbn.com/trending/06/13/17/qatar-crisis-turns-hostile-on-socialmedia> (дата обращения: 10.07.2022).

Jones M. Propaganda, Fake News, and Fake Trends: The Weaponization of Twitter Bots in the Gulf Crisis // Hamad bin Khalifa University, Qatar International Journal of Communication. 2019. Vol. 13. Pp. 1389–1415.

Mazzetti M., Goldman A. Ex-U.S. Intelligence Officers Admit to Hacking Crimes in Work for Emiratis [Электронный ресурс] : The New York Times. 2021. September 14. URL: <https://www.nytimes.com/2021/09/14/us/politics/darkmatter-uae-hacks.html> (дата обращения: 10.07.2022).

Noonan D. The 25 % Revolution – How Big Does a Minority Have to Be to Reshape Society? [Электронный ресурс] : Scientific American. 2018. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/the-25-revolution-how-big-does-a-minority-have-to-be-to-reshape-society/> (дата обращения: 10.07.2022).

Office of the High Commissioner for Human Rights // Technical Mission to the State of Qatar 17-24 November 2017. URL: <http://nhrcqa.org/wp-content/uploads/2018/01/ОНЧРТМ-REPORT-ENGLISH.pdf> (дата обращения: 10.07.2022).

Outrage after Al Jazeera Posts Tweet Insulting Saudi King [Электронный ресурс] : The National News. 2017. July 21. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/outrage-after-al-jazeera-posts-tweet-insulting-saudi-king-1.612587> (дата обращения: 10.07.2022).

Perlroth N. In Cyberattack on Saudi Firm, U.S. Sees Iran Firing Back [Электронный ресурс] : The New York Times. 2012. October 24. URL: <https://www.nytimes.com/2012/10/24/business/global/cyberattack-on-saudi-oil-firm-disquiets-us.html> (дата обращения: 10.07.2022).

Qatar Moving Ahead Irrespective of Blockade: Emir [Электронный ресурс] : Gulf Times. 2018. URL: <https://search.proquest.com/docview/1963621923> (дата обращения: 10.07.2022).

Qatar “Spends \$5 Million on PR Campaigns” to Polish Country’s Image [Электронный ресурс] : English Al Arabiya. 2017. October 16. URL: <https://english.alarabiya.net/features/2017/10/16/Qatar-boosts-PR-spending-to-polish-country-s-image-amid-Gulf-boycott> (дата обращения: 10.07.2022).

Salisbury P. The Fake-News Hack that Nearly Started a War This Summer was Designed for One Man: Donald Trump [Электронный ресурс] : The Quartz. 2017. October 20. URL: <https://qz.com/1107023/the-inside-story-of-the-hack-that-nearly-started-another-middle-east-war/> (дата обращения: 10.07.2022).

UN Rights Chief Urges Dialogue among Qatar and Countries Involved in Diplomatic Dispute [Электронный ресурс] : UN News. 2017. June 17. URL: <https://news.un.org/en/story/2017/06/559462-un-rights-chief-urges-dialogue-among-qatar-and-countries-involved-diplomatic> (дата обращения: 10.07.2022).

References

Abylgaziev I. I., Krasheninnikova V. Yu., Manoylo A. V., Isaev V. A., Strigunov K. S. Voyna SSHA za “mir” v Sirii [The War of USA for “Peace” in Syria]. Moscow : Institute for Foreign Policy Studies and Initiatives, 2021.

Vasetsova E. S. Problema uregulirovaniya siriyskogo konflikta na novom etape ego razvitiya [The Problem of Settlement of the Syrian Conflict at a New Stage of its Development] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Series: Politologiya. 2019. Vol. 21. No. 2. Pp. 282–294.

Egorova O. A. Pravleniye Mukhammeda Mursi v Egipte: istoricheskiye uroki [The Reign of Muhammed Mursi in Egypt: Historical Lessons] // Pravo i politika. 2017. No. 11. Pp. 45–52.

Egorova O. A., Egorov I. S. K voprosu ob issledovanii nezapadnykh obshchestv: spetsifika politologicheskoy terminologii [To the Question of the Study of Non-Western Societies: The Specifics of Political Science Terminology] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2021. No. 3. Pp. 36–40.

Manoylo A.V. Informatsionnaya voyna i novaya politicheskaya real'nost' [Information War and New Political Reality] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2021. No. 1. Pp. 100–131.

Saudi Arabia Toughens Punishment for Qatari Sympathizers to 10 Years in Prison (Jikav Assaudiyya Tavdyh Ukubat Almutaatyfiin maa Qatar) // El Watan News. 2017. July 7. URL: <https://www.elwatannews.com/news/details/2176402> (accessed: 10.07.2022).

Tugolukova L. Amerikanskiy faktor v "Igre prestolov" Katara i Saudovskoy Aravii [American Factor in the "Game of Thrones" of Qatar and Saudi Arabia] // Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam. 2019. September 23. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/amerikanskiy-faktor-v-igre-prestolov-katara-i-saudovskoy-aravii/?sphrase_id=42754414 (accessed: 10.07.2022).

Al Jazeera. Arab States Issue 13 Demand to End Qatar – Gulf Crisis. 2017. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2017/06/arab-states-issue-list-demands-qatar-crisis170623022133024.html> (accessed: 10.07.2022).

Al-Marjan A. Qatar in the World's Spotlight // Okaz. 2017 (in Arabic). URL: <http://www.okaz.com.sa/article/1553036/> (accessed: 10.07.2022).

Azzouz S. Kill Qatar and Trump will Be all Yours // Al Quds. 2017 (in Arabic). URL: <http://www.alquds.co.uk/?p=738770> (accessed: 10.07. 2022).

Chu Z., Gianvecchio S., Wang H., Jajodia S. Detecting Automation of Twitter Accounts: Are You a Human, Bot, or Cyborg? // IEEE Transactions on Dependable and Secure Computing. 2012. Vol. 9(6). Pp. 811–824.

F-15QA. Ocherednoy predstavitel' semeystva i zadel na budushcheye [F-15QA. Another Representative of the Family and a Reserve for the Future] // Topwar. 2020. December 2. URL: <https://topwar.ru/177667-f-15qa-ocherednoj-predstavitel-semejstva-i-zadel-na-budushee.html> (accessed: 10.07.2022).

FBI Seizes Retired General's Data Related to Qatar Lobbying // National Security. 2022. June 7. URL: <https://www.npr.org/2022/06/07/1103629580/fbi-seizes-retired-generals-data-related-to-qatar-lobbying> (accessed: 10.07.2022).

Finn T. Qatar National Bank Investigating Alleged Data Hack // Reuters. 2016. April 27. URL: <https://www.reuters.com/article/us-qatar-ntl-bank/qatar-national-bank-investigating-alleged-datahack-idUSKCN0XO22S> (accessed: 10.07. 2022).

Gilani Z., Farahbakhsh R., Crowcroft J. Do Bots Impact Twitter Activity? // WWW '17 Companion: Proceedings of the 26th International Conference on the World Wide Web. International World Wide Web Conferences Steering Committee Republic and Canton of Geneva, Switzerland, 2017. Pp. 781–782.

Harding D. Qatar Crisis Turns Hostile on Social Media // AFP International Text Wire in English. 2017. June 13. URL: <http://news.abs-cbn.com/trending/06/13/17/qatar-crisis-turns-hostile-on-socialmedia> (accessed: 10.07.2022).

Jones M. Propaganda, Fake News, and Fake Trends: The Weaponization of Twitter Bots in the Gulf Crisis // Hamad bin Khalifa University, Qatar International Journal of Communication. 2019. Vol. 13. Pp. 1389–1415.

Mazzetti M., Goldman A. Ex-U.S. Intelligence Officers Admit to Hacking Crimes in Work for Emiratis // The New York Times. 2021. September 14. URL: <https://www.nytimes.com/2021/09/14/us/politics/darkmatter-uae-hacks.html> (accessed: 10.07.2022).

Noonan D. The 25 % Revolution – How Big Does a Minority Have to Be to Reshape Society? // Scientific American. 2018. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/the-25-revolution-how-big-does-a-minority-have-to-be-to-reshape-society/> (accessed: 10.07. 2022).

Office of the High Commissioner for Human Rights // Technical Mission to the State of Qatar 17-24 November 2017. URL: <http://nhrcqa.org/wp-content/uploads/2018/01/OHCHR-TM-REPORT-ENGLISH.pdf> (accessed: 10.07.2022).

Outrage after Al Jazeera Posts Tweet Insulting Saudi King // The National News. 2017. July 21. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/outrage-after-al-jazeera-posts-tweet-insulting-saudi-king-1.612587> (accessed: 10.07.2022).

Perlroth N. In Cyberattack on Saudi Firm, U.S. Sees Iran Firing Back // The New York Times. 2012. October 24. URL: <https://www.nytimes.com/2012/10/24/business/global/cyberattack-on-saudi-oil-firm-disquiets-us.html> (accessed: 10.07.2022).

Qatar Moving Ahead Irrespective of Blockade: Emir // Gulf Times. 2018. URL: <https://search.proquest.com/docview/1963621923> (accessed: 10.07.2022).

Qatar “Spends \$5 Million on PR Campaigns” to Polish Country’s Image [Электронный ресурс] : English Al Arabiya. 2017. October 16. URL: <https://english.alarabiya.net/features/2017/10/16/Qatar-boosts-PR-spending-to-polish-country-s-image-amid-Gulf-boycott> (дата обращения: 10.07.2022).

Salisbury P. The Fake-News Hack that Nearly Started a War This Summer was Designed for One Man: Donald Trump // The Quartz. 2017. October 20. URL: <https://qz.com/1107023/the-inside-story-of-the-hack-that-nearly-started-another-middle-east-war/> (accessed: 10.07.2022).

UN Rights Chief Urges Dialogue among Qatar and Countries Involved in Diplomatic Dispute // UN News. 2017. June 17. URL: <https://news.un.org/en/story/2017/06/559462-un-rights-chief-urges-dialogue-among-qatar-and-countries-involved-diplomatic> (accessed: 10.07.2022).